

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

П62

- П62 **После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории** : Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. – 663 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-2066-4

Восьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам преодоления наследия диктатуры Сталина как фактора советского транзита сначала к несталинской, умеренно авторитарной, а затем к постсоветской модели развития. Существенные политические и социально-экономические реформы в СССР начались сразу же после смерти Сталина. Этому способствовали многочисленные предпосылки, прежде всего тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале 1950-х годов, массовые ожидания перемен и осознание советским лидером невозможности продолжения прежнего курса. Несмотря на то что реформы имели ограниченный и противоречивый характер, они способствовали позитивным сдвигам, придали заметный импульс развитию советского общества. Трудности 1970 – начала 1980-х годов заставили искать новые направления советского транзита и завершились отказом от социалистической системы и распадом СССР. Несмотря на это, в новой России и других постсоветских государствах вопросы десталинизации или ресталинизации сохраняют актуальное политико-идеологическое значение, являются предметом общественных и научных споров. Задача данной конференции – зафиксировать основные тенденции и вехи десталинизации в длительной ретроспективе, подвести определенные итоги этого процесса, а также современных дискуссий о сталинской системе.

В конференции приняли участие специалисты из Белоруссии, Германии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Польши, России, США, Украины, Швеции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась, и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2066-4

© Коллектив авторов, 2016

© Политическая энциклопедия, 2016

Р. Ченайтене

«КАМЕШЕК В САПОГЕ»: ВИЛЬНЮССКИЙ ЗЕЛЕНый МОСТ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРОБЛЕМ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Соцреалистические статуи на вильнюсском Зеленом мосту как яркие репрезентанты советской идеологии и образцовые примеры эстетики «сталинского ампира» в публичном пространстве литовской столицы дожили свои последние дни. Решением новоизбранного муниципального совета в июле 2015 г. они были сняты под предлогом «аварийного состояния, создающего опасность прохожим». Пока статуи хранятся на территории одного из муниципальных учреждений. Их будущее неизвестно.

Но до сих пор в литовском обществе не утихают ярые споры по поводу того, являются ли статуи почитаемыми объектами национального культурного наследия или ненавистными материальными свидетелями былого чуждого режима и осужденной коммунистической идеологии? Более того, в марте 2016 г. единогласным (!) решением Комиссии по оценке культурных ценностей (КОКЦ) при Департаменте культурного наследия нового состава скульптуры были лишены и статуса культурной ценности местного значения, который имели с 1997 г.

Этот вопрос до того однажды уже поднимался. В начале 2015 г. КОКЦ прежнего состава абсолютным большинством голосов оставила скульптурам охранческий статус объекта культурного наследия. Но, несмотря на то что в той Комиссии работали признанные специалисты по охране культурных ценностей, искусствоведы и архитекторы-реставраторы высокой квалификации, пресса сразу же набросилась на них, обвиняя в антипатриотизме, в ностальгии по советскому и прочее, что, мягко говоря, напомнило сталинскую охоту на «врагов народа»... Более того, в среде специалистов уже тогда ходили позднее подтвердившиеся слухи, что члены нового состава Комиссии набираются не по принципу компетентности и профессионализма, а именно по признаку «правильной» позиции к данной конкретной проблеме.

Выступая по телевидению на следующий день после нового решения КОКЦ, молодой вице-мэр Вильнюса от партии консерваторов Валдас Бенкунскас заявил, что теперь больше не осталось юридических преград для переплава статуй. Будем надеяться, что до того не дойдет, хотя дискуссии, ожесточившиеся вокруг них несколько лет тому назад, никак не утихают¹.

В данной статье делается попытка провести анализ основных сюжетных нитей общественных и экспертных дебатов по поводу сохранения/свержения, ценности/неценности статуй вильнюсского Зеленого моста. Очевидно, что контекстуальные рамки этой полемики выходят далеко за пределы этого конкретного случая. Но в свете (гео)политических изменений последних лет они становятся ярким примером разнопланового отношения постсоветского общества к пережитому недавнему опыту тоталитаризма, как и к современной России, а в руках нынешних политических элит – и очень эффективным средством отвода внимания общественности от до сих пор не решаемых проблем реальной десоветизации политической системы, того факта, что немало бывших членов советской номенклатуры все еще находятся у власти, несмотря на то, к каким политическим партиям они сегодня принадлежат.

Зеленый мост: история и эстетика

Один из старейших в г. Вильнюсе, существующий с эпохи Средних веков Зеленый мост не раз перестраивался и видоизменялся. Предпоследняя его реконструкция проводилась в 1894 г. Мост был подорван отступающими войсками вермахта в 1944 г., а уничтожение его руин закончили уже советские войска. Проект нового моста подготовил Ленинградский институт проектирования «Проектстальконструкция», и в 1952 г. построил инженерный полк Прибалтийского военного округа. Мост воссоздавался в тогдашнем «великом советском монументальном стиле» и был переименован в «Мост Ивана Черняховского» – советского генерала, который руководил освобождением Вильнюса и скоро после этого погиб в сражениях в Восточной Пруссии. Генерал был с почестями похоронен на одной из главных площадей Вильнюса, находящейся неподалеку от моста, а на его мо-

¹ Подробнее об этих дебатах см.: Baločkaitė R. The New Culture Wars in Lithuania: Trouble with Soviet Heritage. URL: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debating-20th-century-history/lithuania/the-new-culture-wars-in-lithuania-trouble-with-soviet-heritage/>

гиле воздвигнут памятник, созданный одним из ведущих советских скульпторов – Николаем Томским.

Обромляющие мост четыре скульптурные композиции, изображающие пары рабочих, крестьян, студенческую молодежь и солдат Красной армии, визуально олицетворяли собой программу построения коммунизма. Статуи, олицетворяющие юность, идеализм, энтузиазм, героизм, романтику, футуризм и изобилие утопического общества, были созданы известными литовскими скульпторами в эпоху, когда сталинизм в СССР уже подходил к концу, но в недавно реоккупированных странах Балтии он только начинал набирать обороты. Трое из семи авторов скульптур Зеленого моста – Иозас Микенас, Бронюс Пундзюс и Петрас Вайвада – уже имели опыт работы в манере соцреализма. В 1946 г., в только что завоеванном и переименованном в г. Калининград немецком г. Кёнигсберге им было поручено создать Памятник Победы Советской Армии.

Рис. 1. Скульптурные композиции на вильнюсском Зеленом мосту «Сельское хозяйство» (слева; авт. Б. Бучас и П. Вайвада) и «Промышленность и строительство» (справа; скульпт. Н. Пятрулис и Б. Вишняускас)

Начатая Н. Хрущевым десталинизация в Литве, которая до того подвергалась жестоким репрессиям и бескомпромиссному подавлению инакомыслящих, проходила с явным опозданием и намного умереннее и осторожнее. В контексте медленных социокультурных трансформаций постсталинского общества идеологические смыслы Зеленого моста неизбежно менялись, потеряв при этом нагрузку прямой индоктринации и став, скорее, знаменательным декоративным акцентом советского облика столицы Литовской ССР. Наверное,

Рис. 2. Скульптурные композиции на вильнюсском Зеленом мосту «Учащаяся молодежь» (слева; скульпт. И. Микенас и Ю. Кедайнис) и «На страже мира» (справа; авт. Б. Пундзюс)

именно благодаря произошедшим тогда процессам нейтрализации идеологического значения статуй, которые не изображали реальных людей, а олицетворяли собой аллегории идеальных представителей процветающего «бесклассового» общества будущего во время распада СССР и десоветизации публичного пространства Литвы, первыми жертвами которой обычно становились символы и атрибуты визуальной пропаганды коммунизма, мост сохранил свой советский вид.

В 1990 г. ему было возвращено историческое название «Зеленый». От сноса статуи тогда явно спас их аллегорический характер, а в 1997 г. они даже приобрели мало кем тогда оспариваемый статус культурной ценности местного значения. Но уже в то время проявлялись первые попытки переинтерпретации этого объекта: на пьедесталах статуй были прикреплены таблички, на литовском и английском языках объясняющие исторический контекст создания этого объекта.

Позднее скульптуры не раз послужили и вдохновением для разного рода художественных или общественных акций. Именно художники стали выразителями взгляда той части общества, которая высказывалась за их сохранение на месте. Они попытались придать им новое, неконвенциональное значение и тем самым их переинтерпретировать.

Известный художник Гедиминас Урбонас одним из первых попробовал «притушить» так ненавистные патриотам идеологические «сообщения» статуй. Его произведение 1995 г. «Приходишь и уходишь» – зеркальные кубы, покрывающие головы скульптурной композиции «Сельское хозяйство», – решало вопросы тоталитарного наследия при помощи социально ангажированного художественного языка. Это временное творение стало широко известным и позднее не раз использовалось на обложках художественных каталогов или научных изданий. Другая скульптурная группа – два молодых парня – украсила обложку брошюры, изданной ЛГБТ-сообществом, вызвав этим гнев и протест одного из еще живущих ее авторов... В свою очередь художник Гитенис Умбрасас, известный нестандартными решениями оформления публичных пространств столицы, в 2004 г. украсил склоны набережных рядом с мостом с обеих сторон созданными из живых цветов надписями «Я тебя люблю», «Я тебя тоже», которые с тех пор привлекают внимание туристов, при этом отводя его от статуй.

К Рождеству скульптуры моста иногда даже наряжались шапочками Санта Клауса. Своеобразное «расколдовывание» «сталинского духа» скульптур летом 2014 г. провела еще одна общественная организация, повесив над ними государственный флаг Великого княжества Литовского с гербом Витис и флаг НАТО больших размеров.

Но отнюдь не все попытки диалога «со статуями» были такими дружественными или нейтральными. Они не раз подвергались также нападкам вандалов, особенно композиция, изображающая солдат Советской армии, которые часто обливались красной краской...

Очень удачной попыткой завязать новый диалог со сложным и неудобным прошлым, на мой взгляд, можно считать появившуюся в 2009 г. под мостом скульптуру «Цепь» Кунотаса Вильджюнаса (в соавторстве с Мартинасом Лукошюсом). Произведение это явилось частью более общей программы украшения вильнюсских мостов скульптурными композициями – одного из мероприятий большого международного проекта «Вильнюс – Европейская столица культуры 2009».

Таким образом, кажется, долголетний ценностный конфликт между гражданами, высказывающимися «против» и «за» сохранение статуй на месте, был исчерпан, ничего не уничтожая и не переинтерпретируя, а просто дополняя. Если скульптуры на мосту олицетворяли собой основную черту советской системы – ее «показуху» и фасадизм, то «цепь» отражала действительную ее суть – неволю и порабощение. Поэтому, только будучи вместе, эти художественные объекты раскрывали сущность советского тоталитарного строя и становились красноречивым дидактическим средством как для детей

и молодежи, жителей Вильнюса, так и для иностранных туристов, желающих познать сложную и болезненную историю недавнего прошлого страны и города.

Последней перед сносом статуй попыткой придать мосту новый смысл стал проект архитектора Аудрюса Амбрасаса, предложившего во время Вильнюсского фестиваля стрит-арта в 2014 г. поместить скульптуры в клетки, обрамляя их ажурными конструкциями. Таким образом он реагировал на обострившуюся полемику по поводу культурной ценности статуй, не без дозы иронии предлагая символически, физически не трогая, переместить их в своеобразный музейный контекст и тем самым нейтрализовать их идеологические смыслы. Но проект не получил одобрения городских властей, скорее всего, из-за того, что судьба статуй уже была ими негласно решена.

Статуи в свете «культурных войн»

В постсоветском пространстве страны Балтии с самого начала выделились резкой переориентацией своей внутренней и внешней политики. Они отказались от вступления в СНГ, вышли из зоны рубля, добились вывода со своих территорий советских войск, начали и в 2004 г. успешно завершили переговоры о присоединении к НАТО и Евросоюзу, что указывает на достигнутый желаемый уровень демократизации, чего из всех республик экс-СССР им единственным удалось. Также эти страны, несмотря на их внутренние особенности, выделились уже в начале *восстановления независимости* сложившимся четким и ясным антисоветским (а в последнее время и антироссийским) историческим нарративом, который последовательно утвердился при помощи переинтерпретации новейшей истории государства, кардинальных перемен в сфере просвещения и культурной памяти, наконец, и в самой публичной риторике.

Как известно, началом и импульсом к началу обширного процесса десоветизации стал спонтанный и систематический снос советских идеологических знаков и символов, обильно заполнявших публичное пространство городов и поселков. В связи с тогдашним социополитическим контекстом возникает логический вопрос: почему четыре соцреалистические композиции Зеленого моста, находящиеся в самом центре г. Вильнюса, избежали участи других советских памятников, которые сносились по всей стране в начале 1990-х гг., и в итоге большинство из них оказались по частной инициативе в южной части Литвы, неподалеку от г. Друскининкай, в созданном в 2001 г. Парке Грутас?² И почему такой ожесточенный интерес к ним возник именно

² Подробнее см.: Lankauskas G., Sensuous (Re) Collections: The Sight and Taste of Socialism at Grūtas Statue Park, Lithuania // The Senses and Society. 2006. N 1 (1). P. 27–52.

в последние несколько лет, расколóв при этом литовское общество на ярых противников статуй и их защитников, или, как эту проблему видят комментаторы новостных порталов, на «патриотов» и «затаившихся или явных коммунистов»?

Пытаясь ответить на эти вопросы, в качестве ответа подходящим кажется понятие «культурные войны», которое было введено в научный оборот американским социологом Джеймсом Хантером³. Дискуссия о статуях на Зеленом мосту соответствует его определению культурной войны как поляризации общественных мнений вокруг двух основных пластов конфликтующих ценностей (в случае политической жизни США, которую исследовал социолог), чаще всего проявляющихся как борьба между традиционалистскими и консервативными взглядами, с одной стороны, и прогрессивными и либеральными – с другой.

В данном случае, невзирая на попытки представить полемику скорее как спор об эстетическом вкусе, политическая подоплека дебатов, хотя и была основной, но раскладка идеологических сил складывалась несколько иначе. В лагере противников сноса статуй оказались в основном представители культурной интеллигенции и специалисты системы охраны культурного наследия, которые подчеркивали их ценность в качестве исторического документа и автентичного реликта завершившейся эпохи. В то же время в лагере сторонников их свержения были члены партий консерваторов и либералов, сплотившие вокруг себя в том числе антисоветски настроенные так называемые патриотические силы (хотя данное деление остается поверхностным и довольно проблематичным, ведь по этому вопросу так и не были проведены достоверные социологические исследования мнений горожан с привязкой к их идеологической ориентации).

Скульптуры на Зеленом мосту можно считать также ярким примером «диссонирующего наследия»⁴. В данном случае проблема отделения «своего» и «чужого» в литовском обществе все еще актуальна и публично обсуждается, оставаясь достаточно красноречивой, поскольку, как известно, авторы скульптур, лучшие литовские скульпторы того времени, работали в условиях сталинских репрессий, в эпоху, когда советский режим чрезвычайно жестокими методами закреплял в стране свою власть, во времена, когда о какой-либо творче-

³ См.: Hunter J.D. Culture Wars: The Struggle to Control the Family, Art, Education, Law, and Politics in America. N.Y., 1992.

⁴ Подробнее см.: Tunbridge J.E. (et. al.) Dissonant Heritage. The Management of the Past as a Resource in Conflict / J.E. Tunbridge, G.J. Ashworth. Chichester, 1996.

ской свободе и отстраненности от стремительного «усвоения» единственно возможного в ту пору канона соцреализма не могло быть и речи.

Поэтому закономерен вопрос: кому этот мост принадлежит сегодня – Литве? правопреемнику СССР Российской Федерации? ностальгирующим по советскому строю? ценителям этого вида искусства? вильнюсцам? иностранным туристам? Данный пример тоталитарного искусства в центре Вильнюса, в зависимости от идеологических соображений оценивающего зрителя и, можно добавить, от имеющегося у него или отсутствующего опыта непосредственного проживания в СССР, может восприниматься и как *символ советской оккупации и сталинских репрессий*, и как *символ коллаборационизма местных властей с чужим режимом*, и как ценностно не представляющий опасности нейтральный *материальный исторический документ* безвозвратно ушедшей эпохи, и как атрибут определенного стиля (соцреализма), и как *хрестоматийный пример исторического развития* литовской скульптуры на определенном этапе и т. д. На мой взгляд, в таком запутанном узле (не)ценности статуй и кроется причина, почему до сих пор этот вопрос кажется таким сложным, невзирая на смены политических конъюнктур за последнее 25-летие.

Можно утверждать, что проблема стауй в 2015 г. «назрела» из-а совокупности ряда внутренних и внешних причин. Внутренними обстоятельствами можно считать, прежде всего, неизбежное старение материи и эстетическую деградацию вида статуй, и нарастающую потребность их реставрировать либо удалить в такое место, где они не будут вызывать опасность для прохожих (хотя до сих пор не известно, насколько эта опасность действительно была реальной, а не очередной попыткой спекуляции публичным мнением).

Муниципалитет города не раз объявлял конкурс на реставрацию скульптур, но, очевидно, из-за «политической деликатности» вопроса не нашлось желающих за это взяться. Российская Федерация, кстати, предлагала заплатить за их реставрацию, а позднее, уже после сноса, в лице мэра одного из городов соседней Калининградской области, попросила их отдать на хранение и экспонирование, но эти предложения не заслужили внимания.

Тем временем патриотические силы не раз настаивали на том, что сумма, требуемая для реставрационных работ статуй, должна быть вложена в другие, более ценные объекты. Более того, противники статуй прикрепили к ним быстро ставшую популярной уничижительную кличку «болваны», тем самым отвергая даже саму мысль о какой-либо художественной ценности этих объектов. (Тут надо заметить, что в литовском языке жаргонизм «balvonas» по смыслу несколько

отличается от его русского аналога, и прежде всего означает «идол», «чучело», «неудачник».) Тут мы видим и отголоски своеобразного «иконоборчества», словно статуи могли стать объектом культа затаившихся почитателей советского строя или представителей «пятой колонны» России.

Следившие за происходящим заметили, что оппонентами на вооружение был выкован весь «военный словарь», с корня делегитимирующий ими ненавистный предмет. Но основным аргументом сторонников сноса стала *травма*, которую, глядя на эти статуи, каждый раз, дескать, испытывают лица, пострадавшие от советских репрессий, особенно при виде солдат Советской армии – символов оккупации. Представители организаций бывших узников ГУЛАГа и политзаключенных часто подчеркивали этот эмоционально насыщенный аргумент, хотя в данном случае возникала нерешаемая дилемма – сносить только эту, наиболее ненавистную, композицию, или все вместе. А поскольку на знамени, которое в руках держит один из солдат, изображены серп и молот, поднимался и вопрос о демонстрации литовскими законами уже в 2008 г. запрещенной нацистской и коммунистической символики (хотя, надо отметить, эти юридические нормы не распространяются на объекты культурного наследия).

Внешними причинами обострения данного вопроса можно назвать постепенно возрастающее беспокойство и боязнь малых стран региона перед возрождением и демонстрацией неоимперских амбиций путинской России. Также имел место и контекст украинского Майдана, и то, что можно назвать «новой волной» свержения советских памятников, прокатившейся по центральной и восточной Украине. Тамашний «ленинопад» как форма десоветизации часто служил аргументом для энтузиастов сноса Вильнюсских скульптур, несмотря на то что исторические контексты тут были совершенно разными. Литва, как уже отмечалось, в начале восстановления независимости сумела определиться с довольно последовательной оценкой советского периода, тогда как в Украине в этом отношении до Майдана 2014 г. сохранялась региональная раздробленность.

А ведь снести статуи на Зеленом мосту поспешили, даже последовательно не выяснив их исторической и художественной ценности, как и ценности их редкости, исключительности. Несмотря на то что в мире есть немало мостов со статуями, в Литве – это единственный в своем роде образец (хотя исторически было больше). Такие объекты обычно привлекают своей уникальностью внимание приезжих туристов и становятся визитными карточками города: например, Понте Веккьо во Флоренции, мост Святого Ангела в Риме, Карлов мост в Праге или Аничков мост в Санкт-Петербурге.

Однако самое интересное, несмотря на разнообразие форм визуальной сталинской пропаганды, мостов со соцреалистическими статуями в СССР, по моим данным, было возведено не много, а сохранилось – еще меньше. Поэтому самым близким аналогом статуй на Зеленом мосту в постсоветском пространстве являются нарядный Мост Победы на Ленинградском шоссе в Москве (1943 г., скульптор Н.В. Томский), станции и шлюзы речных судоходных каналов Москва – Волга и Волга – Дон. Особенное место в этом ряду занимает один из мостов в г. Харькове⁵, бывшем в сталинскую эпоху столицей Украинской ССР, который был построен в 1954 г. в честь 300-й годовщины воссоединения Украины с Россией⁶.

Рис. 3. Статуи соцреалистического моста в г. Харькове «Крестьянка и рабочий» (слева) и «Русский и украинец» (справа; скульпт. М.Ф. Овсянкин; авт. фото О. Чистотина, 2015 г.)

Несмотря на очевидную внешнюю стилистическую схожесть этих двух ансамблей, особенно сравнивая вильнюсские и харьковские скульптурные композиции рабочего и крестьянки, эти мосты имеют

⁵ За эту ссылку благодарна украинскому историку, харьковчанке Ирине Склокиной, а также фотографу статуи Ольге Чистотиной.

⁶ Харьковский мост. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Харьковский мост](http://ru.wikipedia.org/wiki/Харьковский_мост)

и явные качественные отличия. Статуи на Зеленом мосту в значительно большем масштабе, чем их харьковский аналог, воплощают в себе программу советской тоталитарной идеологии по созданию идеальных людей будущего общества благоденствия – рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию и опору режима – армию, таким образом становясь программно последовательным и дидактически значимым историческим документом.

Но, как мы уже знаем, невзирая на уникальность, художественную и историческую ценность скульптурного ансамбля вильнюсского Зеленого моста, городское самоуправление избрало путь их сноса. Так была упущена возможность беспристрастного познания советского прошлого *на месте*, сохранив реставрированные статуи, тем самым и возможность показать свою гражданскую и государственную зрелость, окончательно закрепить психологическую и хронологическую дистанцию с советским периодом, в конце концов – поставить точку в нескончаемых политических манипуляциях на эту тему.

* * *

Несмотря на политическую зависимость от Москвы, в соцлагере и союзных, а также автономных республиках СССР в эпоху зависимости существовали ограниченные условия для развития национальной культуры. Сегодня это значительно осложняет усилия однозначного разграничения атрибутов чужой, импортной, «советской» и в советское время созданной национальной культуры. В то же время, похоже, по прошествии более 25 лет со дня падения Берлинской стены в Средне-Восточной Европе мы можем опять фиксировать новую волну активизации «коммунистической памяти», связанной, несомненно, и со все более агрессивной политикой России в регионе.

До сих пор продолжающийся пересмотр отношений с советским наследием в Литве, как и в других постсоветских странах, указывает на то, что в элите власти и в самом обществе все еще живуча идея, что ресурсы наследия в первую очередь должны служить узким *политическим и идеологическим интересам*. Как показала представленная выше история снятия соцреалистических статуй, такая «изнаночная идеологическая фетишизация», как бы ни было странно, не способствует освобождению общества от тисков советского менталитета и пережитой коллективной травмы, а, наоборот, берedit ее и, парадоксально, служит как раз нынешней политической элите, успешно избежавшей реальной десоветизации.

Для нынешнего политического истеблишмента «болваны» вильнюсского Зеленого моста служили прекрасным средством искусственно отвлечь внимание общественности от внутренних социо-

экономических проблем. При сужении и тривиализации демократической дискуссии о советском периоде и перевод ее только в сторону отдельных случаев, при обсуждении которых оставляя лишь манихейский выбор между «черным» и «белым», «за» и «против», резко и безкомпромиссно обвиняя оппонентов в якобы ностальгии по советской поре или даже в «служении» интересам путинской России, публичное пространство остается обедненным, а вопросы сохранения и интерпретации советского наследия превращаются в инструмент кратковременных политических манипуляций.

К сожалению, Зеленый мост стал наиболее показательным случаем такого манипулятивного использования демонизированного «советского» в нынешней политической борьбе и даже своеобразным «козлом отпущения» за все неудачи постсоветской трансформации страны. Хотя дебаты по поводу того, нужно ли сносить скульптуры или оставить в покое как материальное свидетельство ушедшей эпохи и исторический документ, продолжались в течение всего периода с начала восстановления независимости. И совсем недавно, особенно в контексте обострения отношений с Россией, они стали намного яростнее, что наконец и привело к решению городских властей избавиться от этого раздражающего «камешка в сапоге», который мешал успешному маршу страны к прогрессивному обществу.

Сторонники удаления статуй из публичного пространства города наивно полагали, что, избавляясь от этого и других материальных знаков и реликтов ими ненавистного советского прошлого, тем самым удастся стереть все то, что в этом прошлом было травмирующим, неприятным, постыдным. Но, цитируя одного анонимного комментатора Интернета, «завалив скульптуры, историю не изменишь, только лишишься возможности лучше ее познать и понять».